

НЕ ЗНАЮ другого актера, народная любовь к которому была бы так глубока и неизменна. Идут годы, подрастают все новые и новые поколения зрителей, но и сегодня, точно так же, как и десять, двадцать, пятьдесят лет назад, когда на сцену выходит Серали Кожамкулов, по театру прокатывается неударимая волна радости и восторга. Искусство Кожамкулова продолжает идти в ногу с сегодняшним днем, оставаясь подлинно современным...

Лучшие роли артиста — Еспенбет («Енлик-Кебек»), Кобыкты («Кобланды»), Конай («Ахан-сере и Актоқты»), Карабай («Козы-корпеш и Баян-сұлу») в пьесах Г. Мусрепова, Малтабар в «Чокане Валиханове» С. Муканова, «Слай и Педант» в «Угрошении строителю» Шекспира и многие другие сохраняются в его репертуаре десятилетиями, а Еспенбета он играет вот уже более пятидесяти лет, впервые выступив в этой роли в день рождения казахского театра 13 января 1926 года.

Все эти прекрасные сценические создания актера, оставаясь неповторимо своеобразными, несут на себе неизгладимые черты пройденного пути. Они не только обогащаются и совершенствуются вместе со зрелостью и глубиной сценической культуры театра, но и обнаруживают, с каждым новым обращением к той или иной классической казахской пьесе, неисчерпаемость их идейно-нравственного потенциала. Они не только воспитывают зрителя на нетленных нравственных идеалах, а помогают ему искать ответы на острые вопросы, возникающие и сегодня, сейчас.

Конечно, это драгоценное качество Кожамкулова связано прежде всего с его редким даром прислушиваться к голосу времени, с тем особым зрением художника, которое видит за случайными чертами повседневности самое главное: как люди живут, во что верят, к чему стремятся.

Да и может ли быть иначе у артиста, пришедшего на сцену из самой гущи жизни, бывшего бойца партизанского отряда Джангильдина, отстаивающего Советскую власть в казахской степи? Овладевать профессией актера приходилось в очень сжатые сроки: за какие-то считанные дни надо было не только разучивать новые роли самому, но и помогать своим товарищам по сцене в качестве режиссера-постановщика. Кожамкулов всегда шел к постижению сценического образа через обогащение драматического материала. Раздумывая писателя над тем или иным историческим периодом нашей жизни, завершившиеся воплощением его в идейной ткани пьесы, были лишь отправной точкой для напряженных поисков актера. В высокохудожественных и убедительных образах его репертуара запечатлены основные вехи истории народа, многие его актерские творения входили в жизнь целого поколения зрителей как нарицательные имена.

Примеров может быть названо очень много. Как не вспомнить здесь одно из наиболее совершенных актерских созданий Кожамкулова — Талтанбая в блистательной комедии Б. Майлина «Талтанбайские порядки». Эта роль явилась вершиной в ряду многочисленных сатирических образов артиста довоенной поры. Но не мало было и работ, рассказавших о новом человеке, живущем в стремительном ритме социальных и экономических преобразований. Уже в одном из первых спектаклей казахского театра на современную тему — «Каменном оперении» Мухтара Ауэзова — Кожамкулов создает образ старого чабана Арпабая, принимающего активное участие в строительстве новой жизни. А в послевоенные годы он с огромным успехом играет роль шахтера Таймана («Дружба и любовь» А.

Абишева), раскрывая героизм труда советского человека в напряженные военные годы.

О прекрасном искусстве прославленного казахского артиста пишут книги, снимают фильмы, поют песни. О нем сказано много восторженных и высоких слов: и об уникальности его комедийного дарования, развивающего народные исполнительские традиции в ролях национального и переводного репертуара, и о его бесценном даровании, провизии, и об игровой стихии его актерской индивидуальности, и об удивительном чувстве сценической формы, позволяющей мастеру с поразительной свободой осваивать разнообразные постановочные новации. Самой высокой оценки заслуживают его роли в классическом репертуаре.

Велик авторитет Кожамкулова в родном театре и сегодня. А ведь истинную цену такого авторитета в искусстве не гарантируют никакие высокие звания и положения. Но имя Кожамкулова в истории казахской культуры уже давно олицетворяет вершинные завоевания художественного национального гения. Сам артист писал в одной из своих статей: «Для меня понятия «моя жизнь» и «жизнь моего театра» неразделимы. Мы дети одной матери — Октябрьской революции».

И есть глубокий смысл в том, что в 1976 году, в юбилейном году пятидесятилетия казахского театра, его прославленный мастер отмечает свое восьмидесятилетие. Огромная, интересная и напряженная жизнь. О ней будут написаны новые

и пленяла уже сама по себе, становясь элементом искусства. Трагическая история вьетнамской семьи потрясает душу, но какими мужественными в своей сдержанности красками играл в этом спектакле Кожамкулов!

Его герой, погруженный в будничные хозяйские дела, был предельно сдержан, но за его мудрой сосредоточенностью скрывалась такая огромная ненависть и острая душевная боль за пролитое врагами море вьетнамской крови!

НЕИССЯКАЕМА река народной любви к Серали Кожамкулову. Шестой десяток ее полноводное течение вбирает все новые и новые силы. Сегодня ее разливы особенно широки и впечатляющи. Совсем еще недавно республика отмечала семидеся-

Творческий портрет

КАК САМА ЖИЗНЬ

Шекспировские сцены" в Алматы - Аша 1 июля 1976

Вот что говорит, например, о кожомкуловском Педанте выдающийся советский ученый, один из крупнейших знатоков Шекспира — Н. Берковский: «В этом схоласте, в этом тщедушном книжнике с развевающимися полами, с мышинной походочкой, с удивленно-перепуганным лицом отразилась целая полоса духовной жизни Европы. Кожамкулов-Педант переходит улицу — сама старая ночная Европа схоластических монастырей, книжных жетелюкований трусливо перебирается через сцену, залитую итальянским солнцем нового времени. Кожамкулов показал, как широка область доступного для нашего художника. Весь шекспировский спектакль — свидетельство того, с какой уже давно не свойственной Западу силой наши художники овладевают его, Запада, лучшими традициями.

Казахский актер, сблизившись с пафосом шекспировской сцены, как бы в порядке «выводов и следствий» захватил в свою собственность и весь тот... исторический мир, которыми располагает шекспировская сцена: от радостно-живописных фигур Италии Возрождения до фигуры странствующего схоласта, пересекающего улицу, которая слишком широка и современна для него».

А ИДИРУЮЩЕЕ положение в труппе Казахского академического театра драмы им. М. Ауэзова Серали Кожамкулов занимает вот уже более пятидесяти лет. И все эти годы актерская молодежь продолжает учиться у него, жадно прислушиваясь к каждому его слову на сцене и за кулисами, воспитываясь на прекрасном примере высокого служения театру. И хотя педагогическая работа никогда не занимала важного места в деятельности Кожамкулова, его воспитательная роль в жизни родного коллектива огромна. Стоит только поговорить с его коллегами по сцене, например, с народной артисткой СССР Сабирой Майкановой, чтобы понять меры его художественного воздействия на них. В своих первых работах она сегодня легко обнаруживает следы внимательной заботы Серали-ага, который бережно вел талантливую девушку к вершинам сценического мастерства. Не в учебных заведениях, а в напряженной повседневной работе при строгом и требовательном внимании старших мастеров С. Майканова, как и многие ее сверстники, пришедшие в театр в 30-е годы, прошла полный курс профессионального обучения.

Книги, многие факты биографии актера уже сегодня стали общепризнанным достоянием и хорошо известны многочисленным поклонникам его таланта: и забавные эпизоды, связанные с исполнением его первых ролей еще в полупрофессиональной труппе отряда А. Джангильдина, и интересные странички его работы в кино... А за всем этим стоит неустанный, каждодневный и целеустремленный труд мастера, который оставался всегда верным национальным истокам родного театра и в то же время без устали овладевал богатейшими завоеваниями русской театральной культуры.

Обсуждению жизненных процессов родного театра была посвящена статья Кожамкулова «Ключ жизни» в журнале «Театр» (№ 12, 1972 год). В ней Серали-ага, ссылаясь на слова великого Абая: «Изучай культуру и искусство русских. Это ключ к жизни. Если ты получил его, жизнь твоя станет легче» — отмечал, что они всегда были для него заветом, верностью которому проверялась всей историей казахского искусства, счастливой судьбой всех его товарищей по сцене, вместе с которыми он закладывал прекрасное здание казахского театра — Калибека Куанышпаева, Куляш Байсеитовой, Елюбая Умурзакова, Курманбека Джандарбекова, Канабека Байсеитова, Капана Бадирова. Каждый из них проповедовал в своем искусстве передовые идеи пролетарского интернационализма, оставаясь верным каждую минуту своей жизни высокому призванию советского художника.

В 60—70 годы, когда процессы взаимобогащения литератур и искусства советских народов достигают новых размахов и масштабов, в репертуаре казахского артиста появляются такие совершенные сценические создания, как рабочий Коробов («Ленин в 1918 году» — эта работа была отмечена Государственной премией Казахской ССР) и старый вьетнамец Лыу Куок Оань в «Звезде Вьетнама».

Эти роли Кожамкулова стали образцом высокого мастерства, чуткого к требованиям современной сцены. Драгоценная особенность искусства Кожамкулова, позволяющая пронизывать все, что делает актер на сцене, какой первозданной и неподдельной материальностью бытия — а за этим всегда стоит эпоха, среда, характер героя — предстала в еще более совершенном качестве. Бытовая точность актерского поведе-

тилетний юбилей любимого артиста. Театр в те торжественные дни был переполнен, излучая такую неподдельную радость от встречи с юбиларом, которая дороже самых впечатляющих ритуалов. И вот прошло десять лет, и мы опять переживаем радостные дни. Весть о присвоении Серали Кожамкулову высокого звания Героя Социалистического Труда застала театр на гастролях в Семипалатинске, где любимый народом артист выступал в своих прославленных ролях национального репертуара: Еспенбета, Кобыкты, Мамана. Большая награда Родины была воспринята, как праздник всего казахского искусства, потому что в творчестве Кожамкулова воплотилась победоносная поступь нашего многонационального театра, щедро вбирающая непреходящие завоевания художественной культуры советского народа.

...Вот уже около двадцати лет я не пропускаю ни одной работы прославленного артиста, каждый раз с нетерпением ожидая новой встречи с ним. Верю с неистощимым постоянством, что если в новом спектакле занят Кожамкулов, уж одно это делает работу коллектива событием театральной жизни республики. Потому что сила воздействия его нестаряющегося искусства на зрителя удивительна: все так же великолепно звучит его сильный, удивительно красивый по тембру голос, все так же совершенна его виртуозно отточенная дикция, все так же стремительно возбудит и необуздан его темперамент в драматических ролях и жизнерадостно неистощим, празднично вдохновен в комедийных.

Есть актеры, искусство которых легко вписывается в определенные «школы», «течения», «направления». Сергею Кожамкулову не относится к их числу. И, верно, по этой причине попытки применить подобную классификацию к нему всегда ни к чему не приводят. Секрет безграничного обаяния артиста в его поразительной уникальности: ему нельзя подражать, сценический рисунок его ролей не поддается повторению (хотя каждая деталь в нем виртуозно отточена), его прекрасные сценические создания невозможно разять на «черты и особенности». Они совершенны в своей целостности в естественности. Как сама жизнь художника, в которой все подчинено сознательному труду человека-творца!

Л. БОГАТЕНКОВА,